

В ЛУЧЕ СВЕТА

СПЕКТАКЛЬ «Враги» — его тлетворной атмосфере первая горьковская пьеса на сцене Центрального детского театра. «Враги» — дебют на московской сцене главного режиссера ЦДТ Владимира Кузьмина. Эти два обстоятельства уже достаточны для того, чтобы обеспечить большой интерес к спектаклю.

Заведомо можно сказать, что Владимир Кузьмин, избрав «Врагов» для начала своей работы, пошел не по легкому пути: из всех пьес Горького режиссер выбрал одну из самых сложных, наиболее связанных с определенными историческими обстоятельствами, весьма далекую от опыта современных ребят, наполняющих зал Детского театра. Режиссер начал с пьесы, освященной великими именами мхатовских актеров, кажется, навсегда предопределивших исполнительский канон «Врагов». Все это В. Кузьмин понимал и наверняка выслушал много предостерегающих советов, прежде чем решился сделать первый шаг. Он не ошибся в главном: спектакль установил определенный уровень отношений с труппой и определенный уровень отношений со зрителем. Сложнейшая горьковская пьеса позволила сделать и то и другое. Она позволила сплотить на основе единого художественного языка (это стремление отчетливо видно в спектакле) актеров. Она позволила зрителям детского театра открыть для себя сложный и напряженный мир горьковской мысли, далеко выходящей, как и положено классике, за пределы конкретных обстоятельств и проблем своего времени.

Любое искусство так или иначе предвосхищает аудиторию, того собеседника, к которому оно обращается. Чувство будущего зрителя или читателя входит в самую структуру творимого произведения. Театральный спектакль рождается каждый вечер, само его существо определяется теми или иными отношениями вот с этим конкретным, сегодняшним залом, людьми, сегодня пришедшими смотреть спектакль.

В. Кузьмин, много лет успешно работавший в детском театре, предвосхитил зрителя «Врагов» точно. Из «лабиринта сцеплений» классической пьесы режиссер избрал одну важнейшую путеводную для спектакля линию, которая должна была найти отклик именно в зале детского театра. Режиссер понимал всю важность центрального столкновения рабочих и хозяев и подробно разработал это глухое и гневное противоборство. Он не прошел мимо и тех человеческих судеб, которые уже состоялись или на взлете. Но все же на первый план В. Кузьмин выдвинул судьбу Надежды (И. Маликова), судьбу только начавшуюся, высветил белое платье и чистые глаза девочки, которая мучается и страдает в мире всеобщей вражды и ненависти. Судьба детства в мире врагов — вот тема спектакля, его основной эмоциональный нерв и смысл. Всеми доступными театру средствами, начиная со специально введенного пролога, продолжая финалами всех трех актов, режиссер и театр ведут нас к пониманию этой трагедии, которая накапливается малопомалу, звучит в начале как нота одиночества и тоски, а потом вырывается в припадок ненависти к миру трусости и подлости. Девушка осознает, что есть «святая злоба» и что есть ненависть. Барабан и флейта в прологе эту тему приоткрывают, так же как сценография художника Роберта Аюпова: белое платье Надежды единственное радостное пятно в мрачном каземе — солдатской палатке, которая есть фон и суть происходящего. Сейчас, в первых премьерных спектаклях, актрисе еще не вполне удалось последовательное усложнение образа, она играет пока только на одной струне наивности и чистоты, не задевая других сторон души, но если спектакль «замешан» правильно, то образ Надежды должен стать его открытием.

Мир «Врагов» идет к распаду и хаосу. Военно-бюрократический режим старой России рассыпается на глазах, и спектакль ЦДТ видит в этом крушении не только две традиционные краски, но пытается разглядеть более сложные оттенки и градации. Гибнущий режим порождает своих яростных идейных защитников — так сыгран Михаил Скроботов (А. Фомин). В

возрастают ползучие гады и холуи — так сыграны сто рожевые псы режима Полодгий (Е. Крючков), Бобоедов (Ю. Лученко) и Квач (А. Щукин). Гибнущий режим порождает своих шутов, готовых сплясать на его похоронах (так сыграл генерала М. Нейман), и веселых циников и мародеров, готовых пожить — так увиден Николай Скроботов (В. Калмыков). И этот же режим порождает людей неприкаянных, блаженных, юродивых, уставших, целый сомм судеб, находящихся между молотом и наковальней. Тут человеческое слышится везде, и театр, надо сказать, этим слухом на человеческую судьбу в одном случае владеет вполне, а в других этот слух ему изменяет.

С подлинной остротой и полнотой социальных и житейских наблюдений сыграл Захара Бардина народный артист РСФСР И. Воронов. В роли, которую, кажется, мхатовский спектакль исчерпал, артист находит сегодня новые и очень важные подробности жизни либерального русского барина. Высокий и тучный, неповоротливый, как шкаф, с детским глуповато приоткрытым ртом, с салфеткой на груди, еще более усиливающей впечатление большого ребенка, он ходит на цыпочках в собственном доме, где лежит покойник-компаньон, он бочком пробирается среди солдат, превративших его дом в казарму — нет, артист не спешит с немедленным приговором, хотя этот приговор будет произнесен. Роль ведется сложно и объемно: Бардин у И. Воронова и пытается всех примирить, и страшится жестокости и крови, и красноречивствует, а самое главное — все время себя утешает. Актер открывает поразительную способность российского либерала к словесному самосохранению, когда красивые слова сначала отодвигают проблему, потом возводят ее в абстрактную степень и совершенно растворяют в эмпиреях. Философствование (обычно перед женой) доставляет Бардину почти физическое удовольствие, закрывает его словесным, самым крепким щитом от жизни и ее «претензий». Он поглаживает живот, причмокивает губами, он еще «не все продумал до конца», но каждый раз после очередного испытания он находит утешительную словесную лазейку, чтобы сбежать с тонущего корабля и не решать ничего.

С таким же абсолютным слухом на человеческую судьбу народный артист РСФСР Евгений Перов играет жалкого и тулого раба режима, вернее, Коня режима. Конь в исполнении Е. Перова — замученное и тупое животное, которое никак не может соединить в своем сознании серию идиотских распоряжений шуток-ездока. Еще одно обвинение режиму: человек — животное, в котором механизм жизни выработал только одну реакцию — «как генерала увижу, так дураком становлюсь».

Не одной резкой однотонной краской, а той же неторопливой и внешне достаточно традиционной кистью обрисована и среда рабочих, тоже людей разных судеб. Все завязаны в один тугой узел — и печально-рассудительный Левшин (С. Соколов), и сдержано-твердый Синцов (М. Жигалов), и настороженный, хохорющийся Греков (А. Бордуков). Все завязаны в узел, который, как сказал А. Блок, революции пришлось не развязывать, а рубить. Рубить по-живому. В таком спектакле не может быть «проходных ролей». Тут все живое. Известные актерские приемы и навыки, когда-то приносившие успех, здесь «не работают». «Не работает» визгливая гротескность Клеопатры (М. Куприянова), «общий лиризм» при внутренней пустоте Татьяны Луговой (Т. Надеждина), тем более видный рядом с обольстительно-яркой Татьяной — Е. Пресниковой...

В финале «Врагов» огромный мешок-палатка, занявший сцену снизу доверху, как бы оседает, «поплывет», обнажив тревожное багровое пространство — знак будущих кровавых битв и столкновений. Надежда выкрикнет миру слова ненависти и отчаяния и останется на сцене одна в узком луче света, вырывающемся из темноты ее белое платье. Глаза Надежды обращены в зал.

А. МАРКОВ.